

РЕАЛИЗАЦИЯ ТАКТИК ИГНОРИРОВАНИЯ СОБЕСЕДНИКА, ПОВТОРОВ И ПЕРЕСПРОСОВ В РАМКАХ ЭВАЗИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ КОММУНИКАНТОВ

Введение. В современной лингвистической литературе большое внимание уделяется проблемам коммуникации, к которым можно отнести вопросы лингвистического статуса речевого акта, условия его протекания, вербальные и невербальные средства его выражения, особенности вербализации различных фаз коммуникации. Многие понятия, связанные с традиционным взглядом на протекание и процесс вербализации различных фаз акта коммуникации, требуют дальнейшего осмысления и освещения. К таким лингвистическим феноменам можно отнести и эвасию, которая представляет собой «уклончивые ответные реплики в диалоге, включает в себя интенцию сниженной открытости, ухода или уклонения от коммуникации» [1, с. 117].

Данное исследование направлено на выявление лексико-грамматических средств реализации тактик игнорирования собеседника, повторов и переспросов в рамках эвазивного поведения в ситуациях социальных интеракций в современном немецком языке на примере анализа художественной литературы. Материалом исследования послужил корпус диалогических единств, включающий реплики, реализующие стратегию уклончивых ответных реплик в диалоге (уклонения от прямого ответа), отобранные на основе сплошной выборки из романов Heinz G. Konsalik «Wer stirbt schon gerne unter Palmen» [2] и Erich Maria Remarque «Zeit zu leben und Zeit zu sterben» [3]. Нам представляется, что диалогический дискурс в максимальной степени аппроксимации моделирует структуру живой коммуникативной ситуации в режиме «вопрос—ответ», репрезентируемой на уровне метаязыка лингвистического описания в форме реплик, с помощью которых можно проследить функционирование той или иной коммуникативной стратегии. При выработке теоретических подходов к теме исследования автором были использованы следующие методы: интерпретационный, сплошной выборки, дефиниционного, контекстуального и сопоставительного анализов.

Основная часть. Одним из основных компонентов жизнедеятельности человека является речевая деятельность. Речь представляет собой результат индивидуального словотворчества, обладает определённой коммуникативной направленностью и является частью коммуникативного поведения, которое реализуется, наряду с другими понятиями, через понятия «стратегия» и «тактика». В рамках данного исследования особый интерес для нас представляет стратегия ухода от прямого ответа и тактики её реализации. Стратегия уклонения от прямого ответа «реализуется в случае отражения говорящим собственного противоречивого эмоционально-психологического состояния, порождённого обстоятельством; построения говорящим речи по типу внутреннего монолога-описания или размышления, сконцентрированном на самоанализе; переживания говорящим статусной неуверенности при наличии субординативных отношений; желания говорящего удовлетворить свои корыстные интересы и достигнуть поставленных коммуникативных целей. Она представляет собой игнорирование вопроса собеседника, а игнорирование — это умышленное невнимание, рассеянное по отношению к партнёру, его высказываниям и действиям, заключающаяся в смене разговора» [4, с. 99]. Следует отметить, что такое поведение чаще всего воспринимается как признак пренебрежения и неуважения, однако в некоторых случаях игнорирование выступает как тактическая форма прощения бестактности или неловкости, допущенной партнёром.

Стратегия уклонения от прямого ответа представляет собой цепь решений говорящего, коммуникативных выборов им речевых действий и языковых средств, позволяющих завуалировать, скрыть истинный смысл ответной реплики или уклониться от прямого ответа. Ядро стратегии уклонения от прямого ответа составляют инклюзивные имплицитные смыслы (неявные смыслы-усложнения, относящиеся к прагматическому уровню высказывания), основанные на социальных этических нормах общества. Стратегия уклонения от прямого ответа реализуется посредством тактик — локальных приёмов и линий речевого поведения. Как правило, выбор той или иной тактики уклонения объясняется рядом факторов. Важнейшую роль в этом ряду играет культурная принадлежность коммуникантов, так как практика свидетельствует о том, что выбор способа уклонения в идентичных по всем другим параметрам ситуациях во многом зависит от норм речевого поведения, принятых в определённой этнокультуре. Л. Б. Головаш придерживается точки зрения, что в качестве основных тактик могут выступать «тактика повторов и переспросов, тактика игнорирования, тактика задержки ответа, тактика смягчения категоричности ответа, тактика обобщения, тактика поддакивания, тактика собственно имплицитного отказа, тактика иронии, тактика намёка и тактика условия» [5, с. 73].

В рамках данного исследования мы рассматриваем особенности реализации тактики игнорирования собеседника, а также повторов и переспросов. Игнорирование представляет собой поведение, при котором собеседник не реагирует на вопрос и не пытается поддержать тему, а наоборот, может поменять её. В данной тактике можно выявить чувства, которые испытывает тот или иной персонаж. Данная тактика реализуется в художественных произведениях при помощи следующих лексико-грамматических средств:

– простое повествовательное предложение с наречием места *da*, которое не требует дополнения: «*Wo?*» — «*Siehst du irgendwo einen Baum? Oder sollen wir erst noch einen Galgen zimmern? Und woraus?*» — «**Da sind sie**», sagte Graeber [6];

– наречие *endlich*, что свидетельствует об облегчении при напряжённом разговоре: «*Ich habe kein Geld für Berlin. Wo soll ich da wohnen? Im Hotel? Ich will zu meiner Familie.*» — «**Der Zug ruckte an. Endlich**», sagte der Baß. — «*Ich dachte schon, wir würden hier beerdigt*» [7];

– глагол *lassen* для выражения прекращения разговора, чтобы показать недовольство и нежелание разговаривать: «*Hören Sie*», sagte er wild. — «*Ich bin nicht hier, um Witze zu hören. Wo ist achtzehn?*» — *Der Luftschutzwart sah ihn an.* — «**Lassen Sie mich sofort los, oder ich pfeife die Polizei ran. Sie haben hier nichts zu suchen. Dies ist Aufräumgebiet. Man wird Sie verhaften**» [8];

– простые предложения, когда коммуникант меняет тему разговора: «*Heute sind Sie mein Freund, Capitaine, warum wollen Sie unbedingt mein Feind werden?*» fragte Bäcker. — «*Um Sie schützen zu können, muß ich melden, daß Sie am Leben sind.*» — «*Ich brauche keinen Schutz.*» — *Brissier steckte sich eine Zigarette an.* — «**Die Bäckers sind eine rätselhafte Familie...**» [9];

– повелительное наклонение и глагол *sollen* для усиления и неприятия поведения: «*Warum soll sie nicht lachen*», sagte Graeber. — «*Lachen ist besser als weinen. Besonders, wenn beides nichts nützt.*» — «**Sie sollten beten!**» *Die obere Mauer schlug nach innen* [10];

– дополнительный вопрос другого характера: «*Das ist ein Vorhang. Der Mantel von der anderen Seite macht dann schon eine Art Zelt daraus. Was meinst du?*» — «**Kann ich dir helfen?**» [11].

Тактика повторов и переспросов представлена выразительными средствами языка, т. е. средствами, повышающими выразительность речи и усиливающими её эмоциональность при помощи особых синтаксических конструкций, в частности, экспрессивного и риторического вопросов, эллипса и параллельных структур. В целом, лексическим повтором и переспросом мы называем повторение слова или словосочетания в составе парных реплик. Величина расстояния между повторяющимися единицами и число повторений различны, но заметны. Данная тактика может реализоваться в речи на основе следующих средств:

– переспрос, постановка дополнительных конкретизирующих вопросов: «*Wir leben hier. Ist das ein Verbrechen?*» — «*Nein. Und ich bin hier, weil meine Eltern hier gewohnt haben. Ist das vielleicht ein Verbrechen?*» [12];

– повторение вопросительного слова или вопросительного слова с глаголом: «*Wir können uns doch immer wieder scheiden lassen, wenn wir wollen.*» — «**Wozu sollen wir dann heiraten? Wozu sollen wir dem Staat etwas schenken?**» — *Elisabeth stand auf. «Gestern warst du anders», sagte sie.* — «*Wieso war ich anders?*» — *Sie lächelte flüchtig. «Laß uns nicht mehr darüber reden. Wir sind zusammen, das ist genug*» [13];

– ответ вопросом на вопрос, повторение частицы *auch* для удивления, уточнения, негодования и усиления иронии, риторичности, в определённой мере при постановке вопроса: «**Sind Sie verheiratet?**» — «**Ja. Warum?**» — «*Dies ist ein Gotteshaus. Menschen, die nicht verheiratet sind, können hier nicht gemeinsam schlafen. Im Kreuzgang haben wir eine Abteilung für Männer und eine für Frauen.*» — «**Auch wenn sie verheiratet sind?**» — «**Auch dann. Der Kreuzgang gehört zur Kirche. Hier gibt es keine Fleischeslust. Sie beide sehen nicht verheiratet aus**» [14].

Заключение. Результаты анализа практического материала показывают, что каждому типу эвазивного поведения в современном немецком языке характерен выбор специфических лексических и грамматических средств выражения. Проведённое исследование доказывает, что эвазивное значение языковых средств в немецком языке является, как правило, ситуативно обусловленным. Данный факт свидетельствует о том, что уклонение от предлагаемой интеракции тесно связано с акторечевыми стратегиями говорящего и параметрами речевой ситуации.

Список цитируемых источников

1. Антонова С. В. Категория эвазивности в современном немецком языке // Когнитив. аспекты яз. значения : межвуз. сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 1997. С. 8—10.
2. Konsalik H. *Wer stirbt gerne unter Palmen...* Berlin, 1983. Band 2: Der Sohn. 253 s.
3. Remarque M. E. *Zeit zu leben und zu sterben.* М. : Юригер-Интер, 2003. 317 с.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск : Изд-во ОмГУ, 1999. 285 с.
5. Головаш Л. Б. Формы выражения эвазивности в дискурсе бытового общения // Современное образование — тенденции и развитие : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 73.
6. Remarque M. E. *Zeit zu leben und zu sterben.* S. 14.
7. Ibid. S. 18.
8. Ibid. S. 107.
9. Ibid. S. 199.

10. Ibid. S. 90.
11. Ibid. S. 61.
12. Kongsalik H. Wer stirbt gerne unter Palmen... S. 69.
13. Ibid. S. 185.
14. Remarque M. E. Zeit zu leben und zu sterben. S. 113.

УДК 800

О. А. Карпович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «РАДОСТЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Введение. Одним из центральных направлений современных лингвистических исследований является изучение взаимосвязи языка и мышления, роли человека в языке и роли языка для человека. Данное направление языковых исследований уделяет достаточное внимание репрезентации знаний и представлений об окружающем мире в виде когнитивных структур в сознании человека. В роли данных когнитивных образований выступают концепты, отражающие тесную взаимосвязь языка с миропониманием человека, его духовной и практической деятельностью.

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение когнитивных структур — концептов — является одним из важнейших направлений развития современной лингвистики. Интерес современной лингвистики к способам формирования смысла и формам репрезентации знания, которые отражают основные когнитивные процессы сознания, обуславливает изучение типов концептов, проблем их классификации, выделения основных когнитивных компонентов и характеристик разных типов концептов, установления специфики реализации концепта в контексте и решения других задач.

Человеческие эмоции, являясь общечеловеческими, следовательно, универсальными, различаются вербальной репрезентацией в разных языках. Несмотря на то, что радость имеет высокую социальную значимость и характеризуется способностью влиять на деятельность человека, определение особенностей реализации данной эмоции в разных языках и, соответственно, исследование концепта «радость» до настоящего времени не получили достаточного освещения в сопоставительных исследованиях английской и белорусской лингвокультуры. Цель данного исследования заключается в выявлении лексических средств номинации концепта «радость» в английском и белорусском языках и установлении специфики реализации данного концепта в художественном тексте. Материалом для исследования послужили англоязычные и белорусскоязычные художественные произведения, из которых посредством выборки отбирались языковые обозначения концепта «радость». При исследовании использовались три метода: сопоставительный, контекстуальный и компонентный анализ.

Основная часть. Концепт «радость» является одним из важнейших эмоциональных компонентов, лежащих в основе мировосприятия носителей как белорусского, так и английского языкового сознания. Под радостью понимается такое чувство человека, которое «выражает удовольствие, внутреннее удовлетворение, его весёлое настроение» [1, с. 841]. Отсюда следует, что чувство радости, связанное с эмоциями, близкими к счастью, рассматривается всегда как чувство на фоне счастья. Можно предположить, что концепт «радость» — составная часть базового эмоционального концепта «счастье», присущего всем языкам.

В ходе исследования было выявлено, что в английском и белорусском языках при объективации концепта «радость» присутствует элемент выражения радости как чувства, тем не менее, состав лексических средств вербализации исследуемого концепта в данных языках отличается своей спецификой. Ядерной лексемой, представляющей концепт «радость» в английском языке, является лексема *joy*, в то время как в белорусском языке доминирует лексический маркер *радасць*. Эти лексемы не являются этимологически родственными словами, однако их сходство наблюдается в проявлении значения 'радость' в семантической структуре. Ядерной семой лексемы *радасць* является 'душевное удовлетворение', в качестве околядерной выступает сема 'наслаждение', а периферийной семой — 'счастливое событие'.

Из отобранного ряда единиц, рассматриваемых в английских художественных текстах в качестве маркеров для обозначения концепта «радость», наиболее часто встречающейся является *joy* (45% лексических единиц от общего количества единиц, вербализующих концепт «радость»): *Huck's joy was quenched; The Black Avenger stood still with folded arms, "looking his last" upon the scene of his former joys and his later sufferings* [2].